

Международные миграции и демография

Французское исключение даёт трещины

«Франция остаётся “исключением” в Европе [...], но в 2017 году она выглядит исключением в меньшей степени, чем десятью годами ранее», поскольку показатели рождаемости выравниваются. Так пишет *Population* – ежеквартальный журнал Национального института демографических исследований Франции (INED), подводя итоги демографического развития страны и отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок: «Исключительность в Европе?».

Французское исключение проявилось не вчера, но как минимум столетие назад, а если судить по динамике рождаемости, то даже более двух столетий назад. Для начала обратимся к самым последним ключевым “числам”.

“Обгон” 1991–1993 годов

В 1950 г. население Франции составляло 42 млн человек, Италии – 47; за семьдесят лет разница изменилась: в Италии сейчас около 60 млн жителей (спад), а во Франции – более 65 млн (рост). “Обгон” произошёл в 1991–1993 гг. Демографическому росту во Франции способствовали иммиграция и деколонизация, а также положительный естественный прирост, хотя и сократившийся вдвое за 30 лет.

Чистая иммиграция была регулярной и всегда положительной порядка 50–100 тыс. человек в год начиная с 1990 г., но без особенно высоких пиков. *Историческая коллизия* 2015 г. оставила след на официальной статистике: 107 тыс. человек в 2013 г., в последующие годы – между 40 и 80 тыс., за единственным исключением – 90 тыс. в 2016 г. Ничего общего с соседними Германией и Италией. Демографический рост Франции опирался на прочный фундамент длительного положительного сальдо рождаемости и смертности, чему способствовала благоприятная возрастная структура, сформировавшаяся и укрепившаяся за предыдущие десятилетия.

Переломный момент, если его можно так назвать, или по крайней мере заметная корректировка общих тенденций, случился во втором десятилетии нового века. Коэффициент рождаемости, составлявший в 1990 г. 1,78 ребёнка на женщину, в 1993 г. упал до минимума в 1,66, что соответствовало общему снижению в других метрополиях; затем последовал подъём, более заметный, чем в других странах, – до 2,02 в 2010 г.; с этого момента началось непрерывное снижение: 1,86 в 2019 г. и 1,84 в 2020 г. Эти тенденции были отмечены в прессе, что отражает озабоченность французской буржуазии. Рождаемость тоже начала падать после 2010 г., когда она достигла максимальных значений в 833 тыс. человек; а к 2020 г. показатель снизился до 740 тыс. человек (заметим, это всё ещё почти в два раза выше, чем в Италии). Данные 2020 г. отражают влияние пандемии на смертность и рождаемость.

Неизбежное старение с изменением возрастных пирамид отразилось на количестве смертей: после 15 лет, когда смертность оставалась почти неизменной, с 2004 г. её рост стал регулярным и, можно сказать, неизбежным. И последний важный показатель: после длительного периода стагнации число женщин фертильного возраста сократилось более чем на 0,5 млн за 10 лет, и тенденция к снижению сохраняется. Как следствие, естественный прирост пока положительный (+82 тыс. в 2020 г.), но сократился более чем вдвое менее чем за 10 лет и регулярно снижается.

Это “диафильм” нынешней французской демографии; трудно сейчас увидеть разворот тенденции, в том числе потому, что иммиграция долгое время оставалась на низком уровне – около 60 тыс. прироста в год. Суждение, высказанное в журнале *Population*, полностью подтверждается: Францию всё в меньшей и меньшей степени можно назвать исключением.

Пронаталистская культура

В 2014–2015 гг. правительство президента Франсуа Олланда смягчило некоторые аспекты семейной политики. Интересны наблюдения одного из самых ярых сторонников политики поощрения роста рождаемости и поддержки семей Жерара-Франсуа Дюмона. В заметке от января 2016 г. он возрождает идею о том, что «демография обуславливает политическую мощь», и подчёркивает, что во Франции проводится образцовая в Европе семейная

политика, а также утверждает, что отход от политики, которой уже 75 лет, рискует привести страну в состояние *европейской демографической зимы*, что неизбежно скажется на силе страны в мире.

Объяснение французской тенденции к уменьшению населения от *Population* является более техническим и не содержит ссылок на возможные последствия изменения политики. Как он утверждает, есть три фактора: снижение числа деторождений у поколений детородного возраста; задержка рождения детей в жизненном цикле супружеской пары; отсрочка первого материнства, возраст которого с каждым годом увеличивается (корреляция с удлинением периода образования женщин кажется само собой разумеющейся, хотя в настоящее время имеет тенденцию к стабилизации), в результате чего время для рождения второго и третьего детей сокращается, так что иногда их и не рожают. Отметим, что эти факторы характерны и для других метрополий с единственным существенным отличием: во Франции они проявляются с задержкой в связи с постепенным ослаблением эффектов укоренённой наталистской политики и соответствующих ей культур, которые во Франции укоренены гораздо глубже по сравнению с другими странами. Эти культуры не утверждаются за год, но и не исчезают так же быстро, поэтому они тоже по праву входят в понятие “демографическая инерция”.

Можно заметить: хотя общие тенденции к снижению рождаемости в метрополиях в определённой степени отразились и на Франции, но сделали это в некотором смысле приглушённо и даже с задержкой, что, безусловно, является следствием давней и глубоко укоренившейся наталистской политики, которая была константой во Франции.

В заключение добавим, что президент Эммануэль Макрон учредил в мае 2020 г. комиссию из 26 экономистов по вопросам климата, неравенства и демографии с целью проведения экономического анализа и выработки указаний по реагированию на так называемые три «вызова» с применением наиболее эффективных политик. Одним из них является именно «демографический вызов», который возвращается в Елисейский дворец.

ОТ “ПЛОДОВИТОСТИ” ЭМИЛЯ ЗОЛЯ ДО “ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЫЗОВА” МАКРОНА

Чтобы понять демографическую политику во Франции, необходимо начать издавна. В 1800 г. Франция занимала первое место по численности населения в Европе: 29 млн жителей по сравнению с 22 млн в Германии, 17 млн в Италии и всего лишь 11 млн в Англии. К середине века Германия почти догнала Францию (33 против 36 млн). В следующем столетии Германия вырвалась вперёд (56 млн), Францию догнала Англия (40 и 39 млн), население Италии насчитывало 33 млн человек. Германия обогнала Францию по численности населения примерно в 1860–1870 гг. В начале XX века Францию обогнала Англия, позднее – Италия.

Очевидно, что Франция в век капиталистического и демографического бума в Европе и с учётом трансатлантической эмиграции, которая затронула все государства, имела гораздо более низкие темпы прироста населения, чем в странах-конкурентах. Франция также не была наиболее развитой страной: эстафета всегда принадлежала Англии. И всё же Франция опередила другие страны в том, что для всех станет «необратимым снижением» рождаемости. Снижение смертности в течение XIX века было характерно для всех стран, хотя и происходило неравномерно, поэтому именно в рождаемости следует искать объяснение французскому исключению (в то время противоположному нынешнему).

По мнению демографа Массимо Ливи Баччи, который резюмирует дискуссию вокруг этого феномена, можно выделить две причины. Первая – «в высшей степени культурная»: влияние идеологии Революции (по мнению Жюль Пизона из INED, даже эпохи Просвещения, которая, однако, была европейским, а не только французским явлением), прекращение религиозного контроля над семьёй, новые модели социального поведения, новый образ жизни, новая подвижность. Вторая – «экономическая»: своего рода “аграрное мальтузианство”, то есть уменьшение числа детей в семьях в сельской местности, предотвратившее чрезмерное дробление земельной собственности, которое стало бы следствием поддержания высокого числа детей в условиях роста производительности труда в сельском хозяйстве и, следовательно, снижения потребности в рабочей силе. В Англии, напротив, бурно развивающаяся промышленность легко поглощала избыточное сельское население.

Поражение во франко-прусской войне в 1870 г. привело в действие механизмы, в основе которых лежали эти объективные данные. Постепенно возникло множество движений и ассоциаций, имевших две параллельные и часто противоречивые ориентации: одна была ориентирована на семью (поддержка многодетных семей через механизм государственной помощи и т.д.), в основном из католического сообщества; и собственно натализм (поощрение рождаемости), явно направленный на стимулирование роста населения (примерно на рубеже XIX–XX вв. наблюдалось абсолютное падение численности населения Франции), также с сильным националистическим подтекстом и при поддержке идеологий “Франции как державы”.

Давление на законодательную власть в условиях климата всеобщего благоприятствования рождаемости, сложившегося на рубеже веков, привело к принятию в 1913 г. первых законов, направленные на защиту семьи. Активное участие в этой кампании принял писатель Эмиль Золя, находившийся в изгнании после статьи “Я обвиняю”. В длинном романе “Плодовитость” (1899) он противопоставил счастье многодетной семьи несчастью бездетной. Эта книга, написанная с блеском “Жерминаля”, актуальна и сегодня. Бойня первой мировой войны оживила климат и политику, благоприятствовавшие росту населения, но существенных плодов ещё не было видно. В 1920 г. был создан Высший совет по вопросам народонаселения.

Через 20 лет широкого присутствия дискуссии о населении в средствах массовой информации наступил 1939 г. За два месяца до объявления войны Германией правительство Даладьё (заявившее: *«Опустевшая страна не может быть свободной страной»*) возобновило политику в области семьи и рождаемости в “Кодексе семьи”, автором которого был молодой демограф и экономист Альфред Сови. Комментарий того времени: *«Были предприняты исключительные усилия для борьбы против демографического упадка Франции»* (“*Annales de géographie*”, 1941). В 1945 г. был основан INED, в уставе которого прямо была указана цель увеличения численности населения.

Европейский *бэби-бум* после второй мировой войны не привёл к появлению во Франции политики *laissez-faire*, как в других странах; климат и меры сохранялись в течение долгого времени, оставались неизменными или даже совершенствовались при смене правительств. Результаты будут видны, когда и Франция окажется под ударом падения рождаемости после всеобщего окончания *бэби-бума* в 1970–1980-х гг. Показатели падают, рождаемость снижается и даже значительно ниже уровня воспроизводства, но благоприятная возрастная структура, созданная в течение длительного времени, и постоянство мер вмешательства приглушают последствия и размывают их во времени. Таким образом, сегодня французский империализм вкушает плоды более чем полувековой активной и непрерывной политики, а также благоприятного для рождаемости климата, который никогда не ослабевал.

Венский Международный институт прикладного системного анализа (IIASA) следующим образом описывает функционирование “французской системы”: *«Семьи [...] пользуются исключительно хорошо развитой системой ухода за детьми. Основная идея [...], имеющая глубокие корни, – это большая вера в то, что государство несёт ответственность за благополучие детей, включая заботу о них»*. Однако сегодня Франция тоже вынуждена приспособливаться, потому что демографическая зима больше не могла её щадить, и здесь возникает *«демографический вызов»* Макрона.

Июнь 2021 г.